

«Как мир меняется, и как я сам меняюсь...» Стихотворение Заболоцкого «Метаморфозы» преследовало меня, когда я после перерыва в несколько лет вернулась к стихам Ильи Тюриня. Так бывает — стихи зовут за собой стихи. Илья был тот же, кто ошеломил 15 лет назад, и совсем другой. Конечно, другой стала я. Но дело не только в этом. Феномен настоящей поэзии заключается в непрерывном развитии, как контекста, так и непосредственно текста. Начиная с определённого времени, это происходит независимо от присутствия или отсутствия автора. Если вы прочтёте, положим, «Зимнее утро» Пушкина при солнечном свете или густой облачности, хорошо отдохнувшими или невыспавшимися, после радостного свидания или любовной неудачи, ручаюсь, это будут совершенно разные прочтения.

И в случае Ильи Тюриня натурфилософия текста продолжает действовать там, где «области заочны» заведомо взяли верх над рациональными принципами постижения, и стихи, написанные юношей, не переступившим порог 20-летия, трансформировались во времени. И эта эволюция более чем что-либо другое подтверждает исходную правоту. Значит, не только ювенильная составляющая — «неопытный возраст» создателя — поразила полтора десятилетия тому. Значит, тогдашнее ощущение чуда не было иллюзией и самообманом.

Общими нашими усилиями освоения чуда стихи Ильи Тюриня вошли в ткань поэзии XX века и прорвались в век XXI. Илья за истекшее время стал одним из самых цитируемых и «присутственных» поэтов рубежа столетий. Это обстоятельство уже не могло не воздействовать на строки, строфы и саму поэтику. Читать признанное — совсем не то же самое, что открывать новое. Уплотняется и усложняется система восприятия, близорукость сменяется дальнорукостью, чувства трезвеют. В общем, происходит всё, что свойственно человеку при смене возрастных категорий. К тому же изменился и состав истории, в которой мы живём и в насыщенном растворе которой неизбежно существуют наши стихи. Жажда мальчиков середины 90-х («Слышишь? Ночью так хочется пить») сменилась горьким похмельем. Лет 10 назад я бы выбрала для антологии совсем другие стихи Тюриня.

Всего три года подряд Илья пробыл тем, кто по праву дарования, а не одной юности, остался в русской поэзии. За три года он проделал путь, на который у многих уходят десятилетия упорной работы. И если стихи 96-го года полны восторгом и мукой самого процесса творчества (большое количество «стихов о стихах» — тому подтверждение), то стихи 97-го дышат прозрениями совсем иного рода и составляют истинное сокровище наследия Ильи:

*Но сознание поставит рекорд —
И проступит окошко в прорехе.*

А 98-й год — практически последний, когда поэт «стихами руки отягчал», — представляется «полем боя», в котором держит оборону одинокий воин. Предпочтения видов вооружения, боевого оснащения меняются кардинально:

*Я за простой топор отдам любое
Из слов, что не подвластны топору.*

Илья начинал как поэт сплошной образности. Метафорический ряд его ранних стихов иногда граничил с самоцелью: строка «Играя с небом в ножжики церквей» до сих пор представляется мне излишеством этой «сплошноты». Но всего через год в гениальном стихотворении «Рублёв» уже он распоряжается метафорой, а не она — им, и совсем на других основаниях:

*И в недрах земли, где минуты не жаль,
Со звоном сломалась деталь.*

Историческое время совмещается с полным осознанием кратковременности собственной жизни и одновременно «живой дали» грядущего. Ирония — не постмодернистская, поглощающая свет, но античная, экспрессивная, ищущая свет там, где его не может быть, становится мощным поэтическим орудием:

*Всеведение и нижнее бельё
Взамен души глядят из-под халата.*

Собственно лирика Ильи — цикл стихов с посвящением Е. С. — нуждается в отдельном прочтении и анализе. В стихах «о любви» (как будто бывают — не о любви!) замечателен сквозной образ дирижёра — одна из модификаций Бога, в поиске и обретении которого Илья воплотился как поэт, и в то же время — метафора свободы, мучительные и учительные пределы которой Илья осмысливал как никто в его поколении. Публикации стихов цикла в интернете снабжены подзаголовком «универсальная лирика». При всей условности термина к Илье Тюрину он применим абсолютно органично: Илья никогда не ограничивается «темой», но всегда прокладывает русло такой ширины и стремительности, «что и глаз-то берёт с трудом».

...И несколько слов о Бродском. Я сознательно не включила в подборку ни одного стихотворения, посвящённого памяти столь важного для Ильи поэта. И я сама, и другие, писавшие об Илье, сопоставляли эту пару множество раз. «Вакансия поэта» в России мистически никогда не оставалась «пуста» — ни дня. Лермонтов пришёл за Пушкиным, когда тело первого поэта России ещё не погрузилось в святогорский песчаник. Тюрин последовал за Бродским буквально в день смерти последнего. Но ни одно сопоставление не давало полноты картины влияния одного поэта на другого и преодоления этого влияния. Теперь я ещё меньше претендую на такую полноту — потому, что понимаю: это была любовь, а ей никто не судья. В какой мере любимый влияет на любящего и наоборот, — знает, как правило, лишь один из них, а другой только милостиво (или в противоборстве) принимает эту данность и дар:

*Туда пускают на неделе
В особый час по одному.*

«Удвоение пространства», о котором молил Илья, произошло, и мы имеем двух крупных поэтов вместо одного. «Сложная пряжа» стихотворчества продолжает развиваться. Запутаться в ней или следовать за её путеводной нитью — каждый решает по мере разуменья. Итог следования оговорён Заболоцким:

*Вот так, с трудом пытаюсь развивать
Как бы клубок какой-то сложной пряжи,
Вдруг и увидишь то, что должно называть
Бессмертием...*